

Анна Зорина

Были-небыли

Летние дни летят клином, куда ни кинь.
Маки на рёбрах шпал—встречные огоньки.
Сплавится стук колёс в морок дорожных снов,
Скатится в горизонт пыльное полотно,

Мягко в степи стряхнёт домики-муляжи.
Сколько ему петлять, сколько ещё кружить?
Переплетут пути полозы-поезда.
Сколько же нас таких, выпавших из гнезда,

Что не умеют жить да наживать добра—
Только б суметь слова верные подобрать?
Там, где на склоне дня поезд протяжно выл,
Терпкую тишину сонно метёт ковыль.

Затянулась борьба со сном на неделю.
Что ни делаю, всё равно—еле-еле.
День бы мыкалась по углам, как слепая,
Да найду на пути диван—засыпаю.

Вслед за солнышком в тёплый край улететь бы!
Ветер треплет железный прут, словно стебель.
Вроде светится за окном, но не греет,
И на улице с каждым днём ноябрее.

Полнолуние-полоумие.
Шито шелестом, крыто рунами,
Обезличено, обесточено:
Неприглядно твоё пророчество.

Не качайся, фонарь подученный,
Спеленай тебя вечность тучами,
Тьмой безглазою, безголосую,
С неотвеченными вопросами!

Поумерь-ка ночные бдения,
Не цепляйся ко мне видением,
Птичьим островом, рыбьим остовом,
Обещаньями злыми, чёрствыми.

Не заглядывай в окна с вечера:
Не тобой я, а солнцем мечена.
Ты же Лиху сестра по матери.
Убирайся, дорожка скатертью!

Поспи. Не бойся, сбудется не всё:
Плохие сказки ветром унесёт,
Ночник прогонит из углов их тени,
Хорошие достанутся ловцу.
Хватай за хвост десятую овцу
И отправляйся в царство сновидений.
На цыпочках по крышам дождь пошёл,
И завтра утром будет хорошо.
Чудесный день, волшебная неделя,
А может, месяц или целый год!
Пускай тебе приснится лунный кот
И покачает в звёздной колыбели.

Как в зеркало, глядится ночь в окно.
Внутри темно, и за окном темно.
Шаги дождя всё тише, тише, тише.
Рассвет уронит в лужи акварель.
Проснёшься утром—лето на дворе!
Ты крепко спишь и ничего не слышишь.

Заплетаю венки:
С колоском колосок.
На губах не вино—
Просто яблочный сок,
Позолоченный звон
С отпечатком вины.
Выйди злом, выйди вон,
Возвращайся иным!

Поцелуй в висок:
Только перец и соль.
Голос мой—колосок,
Невысок, невесом.
Наш оставленный мир
На пороге зимы.
Мы немые. Мы не мы.
Обними, обними!
Суть сомнения—страх.
Весь по капле лови
Вкус вины на губах.
По любви? По любви.

● ● ●
Пленяющим предчувствием горя,
На стыке сна и лесополосы
Скользит по бурой кромке октября
Созвездие мечтательной лисы.

Ночная расцветает темнота,
Когда в зенит восходит не спеша.
И чётко взмах пушистого хвоста
На каждый осторожный лисий шаг.

А осень хлещет ветром по бокам,
Но алчно держит зверя взаперти.
Лиса, шутя, пугает облака,
Сбивая их с небесного пути.

● ● ●
Теперь никуда не деться:
Потерянным— в Неверлэнд.
Мы утром ушли из детства,
Вернулись, а дома нет.

Не будет тепла и ласки—
С паршивых хоть шерсти клок.
А дальше— как в старой сказке,
Где первый же встречный— волк.

Мы плакали: волки, волки!
И волки смеялись вслед.
Поплакали и умолкли.
Потерянных— в Неверлэнд.

Здесь кто не убит, тот ранен.
В тенётах махровой лжи
Мы шли на войну дворами
И рано учились жить.

Но только взрослых не стали.
Не принятые никем,
Мы сами сбивались в стаи
В звериной своей тоске.

Нас вечно жуёт тревожность.
В избытке других примет
Мы чувствуем даже кожей:
Потерянных— в Неверлэнд.

Теперь уже только прямо.
А впрочем, кому легко?
У божьих коровок, мама,
Сгущённое молоко.

● ● ●
Там, за краем тумана, тепло никуда не денется,
Пахнет мёдом и клевером, басом гудят шмели.
Даже дикая яблоня— хрупкое с виду деревце—
В белых яблоках ветви развесила до земли.

Над задумчивым озером лёгкая дымка стелется,
Как молочная пенка. Мерещится перезвон
Колокольчика. Тонкий серп молодого месяца
Рассекает край света, сползающий в горизонт.

На вершинах холмов разгорятся костры закатные,
Подкорми их печалью, пусть сгинет в живом огне,
Ведь не зря эти земли давно за туманом спрятаны:
Только лето и счастье. А горя и смерти нет.

И, отравленный чудом, что было в холмах обещано,
Осознаешь, о чём толковали тебе с азов:
Ты вернёшься домой, снова влезешь в приличные вещи
Навсегда сохранишь в себе вечно лета зов.

● ● ●
Серый Питер врёт, он вас не слышал.
И ему до маленькой лампадки,
До свечи, задутой сквозняками,
Ваши сны, хранимые украдкой,
Ваш за пазухой пригретый камень
И обрывок выцветшей афиши.

Хмурый Питер— дух полночных улиц,
Перекрёстков, затканых туманом,
Хриплых стонов в мутной подворотне,
Ломоты в суставах наркомана,
Пустоты надежд, что сам же отнял.
И ему плевать, что вы вернулись.

Стылый Питер— трус, но вот вам крыши,
Суета дорог под каблуками,
Ваше невозвратное сегодня:
Сны витрин, вокруг огни мелькают.
Каждый встречный бар под вечер— сводня.
Разум был, да весь куда-то вышел.

Старый Питер жаден, недоверчив,
Врёт как дышит, да и вы туда же—
Оплетать лапшой любые уши.
Оставайтесь с ним вдвоём на страже
Сквозняков и брошенных игрушек.
Мне пора. Гудбай. Ариведерчи.